

Лѣтопись текущихъ событій.

Память О. М. Достоевскаго.—Въ субботу, 31 января, Петербургъ провожалъ своего любимаго и самого такъ много любившаго и многострадальнаго носителя, истинно «русскаго челоуѣка», «друга чести и истины» и «великаго учителя» (надписи на вѣнкахъ) на мѣсто своего послѣдняго упокоенія на кладбище Александро-Невской лавры. Не друзья, не литераторы, но все, что только читало, мыслило, училось—все собралось почтить усопшаго, всѣ домогались чести понести его гробъ... Съ десяти часовъ утра стояли уже толпы народа по всему Кузнечному переулку, по Владимірской и даже по Невскому проспекту. Въ квартиру покойнаго Теодора Михайловича, осаждаемую толпою, пускали по билетамъ, друзей, знакомыхъ и литераторовъ. Къ 11 часамъ утра всѣ лица и депутаціи, участвовавшія въ печальной процессіи, уже выстроились; сама публика образовала вокругъ процессіи цѣпь, взявшись за руки и оберегая такимъ образомъ порядокъ. Ровно въ 11 ч. духовенство Владимірской церкви начало краткую литію, по окончаніи которой литераторы и близкіе родственники подняли гробъ и въ предшествіи духовенства вынесли и поставили на катафалкъ, на которомъ онъ и былънесенъ на рукахъ до самой Александро-Невской лавры. Печальная колесница подъ балдахиномъ слѣдовала сзади. Порядокъ погребальнаго шествія соблюдался въ томъ видѣ, какъ былъ наканунѣ напечатанъ; только на пути къ нему приставали новыя депутаціи, не вошедшія во вчерашній списокъ, одна изъ нихъ прибыла изъ Москвы какъ разъ къ началу шествія. Всѣ депутаціи прибывали съ вѣнками, такъ что процессія растянулась на двѣ слишкомъ версты. Видъ былъ поистинѣ необыкновенный. Цѣлая аллея вѣнковъ, поднятыхъ на высокихъ шестахъ постепенно терялась вдаль. Народу было до 30 тысячъ. На балконахъ, въ окнахъ, на лѣсахъ новыхъ домовъ стояли и смотрѣли зрители. Движеніе экстажей само собою прекратилось. Никогда и ничего подобнаго не было въ Петербургѣ...

Вѣнковъ всѣхъ несли 64. Когда процессія выстроилась, мы могли пересчитать только слѣдующіе вѣнки: отъ Николаевского

инженернаго училища, ларинской гимназіи, шестой гимназіи, реальных училищъ, педагогическихъ женскихъ курсовъ, студентовъ филологическаго института, филологической гимназіи, с.-петербургской консерваторіи, хорового общества, музыкальнаго общества, студентовъ инженеровъ путей сообщенія, студентовъ технологическаго института, покровскихъ курсовъ, женскихъ врачебныхъ курсовъ, городскихъ учителей и учительницъ, высшихъ женскихъ курсовъ, правовѣдовъ, три вѣнка отъ представителей спб. окружнаго суда, отъ спб. университета (несли профессора Таганцевъ и Незеленовъ), отъ студентовъ с.-петербургскаго университета, отъ частнаго кружка въ Москвѣ — съ надписью: «великому учителю», отъ города С.-Петербурга, роскошный громадный вѣнокъ, увѣнчанный пальмовой вѣтвію, отъ санктпетербургской духовной академіи, отъ академіи художествъ, отъ комитета художественныхъ выставокъ, отъ спб. собранія художниковъ — буква Д. въ формѣ лиры, повитой трауромъ и плющемъ, отъ русской драматической труппы, отъ русской оперной труппы, отъ присяжныхъ пѣвчихъ, отъ московскаго лица цесаревича Николая, отъ строительнаго училища, отъ комитета грамотности, отъ врачебныхъ общинъ, отъ главнаго тюремнаго управленія (зачѣмъ?), отъ редакціи «Петерб. Листка» съ надписью: другу чести и правды, отъ редакціи «Новаго времени», отъ журналовъ «Всемирная Иллюстрація» и «Огонекъ», отъ частной женской гимназіи княгини Оболенской, отъ редакціи «Русской Рѣчи» несли высокую хоругвь изъ національныхъ цвѣтовъ, повитую флеромъ съ надписью: Достоевскому. Хоры с.-петербургскаго университета, владимірскихъ пѣвчихъ и исаакіевскихъ пѣвчихъ шли одинъ за другимъ. Ряды вѣнковъ замыкалъ большой вѣнокъ отъ славянскаго благотворительнаго общества, съ надписью «русскому человѣку», къ нему же съ обѣихъ сторонъ примыкала гирлянда, длиною сажень до 30: она окружала гробъ и неслась на траурныхъ флажтокахъ членами славянскаго общества, котораго покойный былъ вице-президентомъ. Передъ гробомъ несли въ рядъ пять маленькихъ вѣнковъ. На всѣхъ вѣнкахъ были надписи изъ цвѣтовъ, или ниспадали ленты съ надписями. На иныхъ были перечислены крупнѣйшія произведенія Достоевскаго. За вѣнкомъ

славянскаго общества, въ Гярландѣ, окружавшей послѣдній отдѣлъ процессіи, шло духовенство, смѣны неслихъ гробъ, вдова съ дѣтьми и близкіе знакомые покойнаго. Несли гробъ молодые литераторы и студенты, поочереди. Гробъ золотой парчи, украшенъ пальмовыми вѣтвями и вѣнками. За колесницей, ѣхавшей сзади, слѣдовала обыкновенная процессія каретъ. Полиція почти не вмѣшивалась. Публика сама соблюдала порядокъ, образуя цѣпи, оберегавшія строй процессіи. Пѣніе «Святый Боже» почти не прерывалось ни на минуту. Передъ церквами на пути процессія останавливалась и содержалась краткая литія. Процессія двигалась медленно, въ теченіи почти цѣлыхъ трехъ часовъ.

По прибытіи процессіи къ Александроневской лаврѣ, всѣ депутаціи съ вѣнками стали по обѣимъ сторонамъ, образуя шпалеры отъ лаврскихъ воротъ до дверей церкви Св. Духа, гдѣ приготовленъ былъ катафалкъ для гроба. Въ воротахъ вышли встрѣчать процессію ректоръ здѣшней духовной академіи, протоіерей Янышевъ, въ полномъ облаченіи съ анненской лентой, вмѣстѣ съ архимандритомъ—намѣстникомъ монастыря Симеономъ и въ сопровожденіи четырехъ іеромонаховъ. Провозгласивъ среди многотысячной толпы «вѣчную память рабу Божию Теодору», о. ректоръ совершилъ кажденіе окрестъ гроба и его внесли во врата, причемъ во время шествія, вѣнки отъ всѣхъ депутацій склонялись надъ гробомъ. За массой народа гробъ двигался очень медленно; когда внесли его въ церковь, то церковныя двери заперли и затѣмъ стали пускать въ нихъ по одной депутаціи съ вѣнками. Пока депутаціи проходили въ церковь—передъ катафалкомъ, окруженнымъ свѣчами—заняли предстоятельскія мѣста о. ректоръ Янышевъ и о. намѣстникъ Симеонъ; по обѣ стороны отъ нихъ стали 8 сослужащихъ іеромонаховъ и протоіереевъ съ причтомъ и началась торжественная панихида. Два хора пѣвчихъ слились воедино при пѣніи «со святыми упокой» и вѣчной памяти. Присутствующіе преклонили колѣна, между тѣмъ депутаціи все прибывали и скоро катафалка не было видно за окружившей его стѣною вѣнковъ. По окончаніи богослуженія часть вѣнковъ возложили на гробъ, а остальные размѣстили около стѣнъ храма. Скоро масса народа наполнила храмъ и до самой всеобщей народъ

не переставалъ приходить поклониться великому учителю, сомнувшему уже свои уста на вѣки. Но умеръ человекъ, а мысль его живетъ и будетъ жить еще во многихъ поколѣнiяхъ, призывая «вѣчную память» на воплотившаго эту мысль человека.

Въ воскресенье, 1 февраля, происходили похороны Теодора Михайловича Достоевскаго. Толпы народа съ раннаго утра стекались къ Невскому монастырю.

Въ 64 вѣнкамъ, перечисленнымъ уже нами выше, присоединились еще новыя, такъ что составилось всего до 74 вѣнковъ; въ числѣ ихъ мы видѣли лирообразный вѣнокъ отъ артиллерійской академіи, отъ академіи генеральнаго штаба, отъ юридической, отъ воспитанниковъ морскаго училища, отъ гимназіи Сибиревой, отъ лицействъ, отъ редакціи «Русской Мысли», отъ русскихъ дѣтей», отъ «общества драматическихъ писателей», и громадный вѣнокъ изъ искусственныхъ и живыхъ цвѣтовъ и лавровъ съ надписью изъ иммортелей: «отъ литераторовъ». Великая княгиня Александра Іосифовна прислала вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, а дѣти ея крестъ изъ такихъ же цвѣтовъ. Отъ академіи наукъ депутатомъ явился И. М. Сухомлиновъ. Вѣнки съ депутаціями составили цвѣточную шпалеру по сторонамъ катафалка съ гробомъ отъ алтаря до входныхъ церковныхъ дверей. Много вѣнковъ еще лежало на гробѣ и на ступеняхъ около балдахина. Большая трехцвѣтная хоругвь съ вѣнкомъ и серебряными кистями съ надписью. Достоевскому, была водружена противъ балдахина на хорахъ и ниспускалась внизъ, какъ бы осѣняя молящихся.

Нечего и говорить, что все литераторы, представители разныхъ редакцій (въ томъ числѣ и «Русскаго Инвалида»), депутаты отъ учебныхъ заведеній и разныхъ обществъ переполнили собою церковь, въ которую впускъ производился только по билетамъ. Въ числѣ представителей драматическаго міра мы видѣли В. В. Самойлова. При богослуженіи также присутствовали: министръ народнаго просвѣщенія, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, оберъ-прокуроръ Св. Синода и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ 10 часовъ, встрѣчен-

ный духовенствомъ, прибылъ архіерей, преосвященный Несторъ, епископъ выборгскій, второй викарій с.-петербургской епархіи, и началъ литургію въ сослуженіи архимандритовъ и іеромонаховъ. Стройно пѣли превосходные пѣвчіе, горячо молились русскіе люди, когда раздались грустно-величественные звуки тропаря «Со святыми упокой». По окончаніи литургіи, преосвященный Несторъ вышелъ на середину церкви передъ гробомъ для совершенія отпѣванія. Съ нимъ вышли о. ректоръ с.-петербургской духовной академіи Янышевъ, о. намѣстникъ лавры архимандритъ Симеонъ, два очередные архимандрита и за ними пять протоіереевъ стали по правую сторону гроба, пять іеромонаховъ по лѣвую. Архидіаконъ провозгласилъ: благослови Владыко, и тихіе полные скорби и умиленія звуки панихиднаго пѣнія полились тихой волной, исторгая слезы изъ глазъ молящихся. Въ это время вѣнки стали выносить изъ церкви, часть ихъ окружила могилу Ф. М. Достоевскаго, часть стала шпалерами по направленію къ кладбищу. Между тѣмъ въ церкви, по окончаніи чтенія евангелія, протоіерей Янышевъ обратился къ молящимся съ проповѣдью. Звучимый голосъ, теплое чувство, которое слышалось въ каждомъ звукѣ проповѣди и краснорѣчіе проповѣдника произвели сильное впечатлѣніе на слушателей. Смысль проповѣди приблизительно былъ таковъ. О. протоіерей обратилъ вниманіе на торжественность обстановки, на то, что здѣсь вокругъ гроба одного человѣка соединились всѣ ученые, литераторы, учащіеся, всѣ русскіе люди. Здѣсь на глазахъ у насъ снова подтверждаются слова божественнаго учителя Христа: «блаженн кротцыи, яко тѣи наслѣдять землю, блаженн чистые сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ, блаженн изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное».

Вся дѣятельность покойнаго многострадальнаго, многолюбившаго писателя заключалась въ отысканіи свѣтлыхъ чертъ въ самой низкой душѣ. Онъ рылся въ грязи для того, чтобы отыскать и тамъ чистое, и высокое. Стоитъ только припомнить заглавія его произведеній, чтобы видѣть кого изображалъ нашъ великій писатель, о комъ болѣло его сердце, кому онъ сочувствовалъ: это были: «Бѣдные люди», «Униженные и оскорбленные», «Мертвый домъ», «Идіотъ». Онъ обращалъ на нихъ наше

вниманіе, онъ глубоко заглядывалъ въ душу человѣка, онъ своими произведеніями продолжалъ намъ нагорную проповѣдь Христа и мы какъ-бы слышали: «Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное, блаженни плачущіе, яко тѣи утѣшатся, блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣи насытятся, блаженни егда возненавидятъ васъ человѣцы» ... Всю жизнь свою покойный искалъ истины и правды. Затѣмъ проповѣдникъ очертилъ его личность какъ высокаго христіанина, полагавшаго хранилище истины въ православной вѣрѣ, полагавшаго хранилище добрыхъ началъ въ душѣ русскаго человѣка. Дадимъ теперь ему, какъ многолюбившему, послѣдній поцѣлуй нашей любви.

Послѣ рѣчи и краткаго молитвословія, литераторы и друзья покойнаго подняли гробъ и понесли его въ предшествіи епископа съ духовенствомъ на кладбище. Передъ гробомъ несли нѣсколько малыхъ вѣнковъ, за гробомъ слѣдовало семейство покойнаго и литераторы. По мѣрѣ того, какъ проносили гробъ между шпалерами изъ вѣнковъ, державшіе вѣнки тихо склоняли ихъ надъ гробомъ. Это была умиленная картина. Когда стали опускать гробъ въ могилу, маленькая дочка Достоевскаго тронула всѣхъ своимъ простымъ, глубоко-сердечнымъ крикомъ: «Прости, милый, добрый, хорошій папа, прости!». Всѣ стоявшіе въ оградѣ, пѣли вмѣстѣ съ пѣвчими «Со святыми упокой». Часть вѣнковъ была оборвана и гробъ весь былъ засыпанъ зеленью и цвѣтами и за тѣмъ могилу засыпали землей. Начали говорить рѣчи и читать стихи. Желавшихъ было такъ много, что не всѣмъ удалось исполнить это желаніе. Отъ женщинъ желала, напримѣръ, говорить г-жа Архангельская, и когда пробралась къ оградѣ кладбища, то церемонія уже кончилась. Всѣ вѣнки потомъ были сложены на могилѣ Ф. М. Достоевскаго.

Долго еще до самой вечерни толпился у могилы народъ; многіе уносили на память цвѣты изъ вѣнковъ или старались добыть хоуя просто зеленую вѣточку.

Въ этомъ общемъ сочувствіи писателю, въ этой горячей любви къ нему, выразившейся такъ рельефно, видѣнъ ростъ нашего общества, движеніе общественнаго сознанія. Благо тому обществу, говоритъ въ заключеніе «Новое Время», которое научается цѣнить своихъ дѣятелей.